

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ

В 1920-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.9>

UDC 327(470)

LBC 63.3(235)

Submitted: 14.09.2019

Accepted: 23.01.2020

**POLICY OF POSTPONED SOVETIZATION: RUSSIAN SOVIET FEDERATIVE
SOCIALIST REPUBLIC AND GEORGIA IN 1920–1921¹**

Karine R. Ambartsumyan

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The author presents a brief description of the situation in the South Caucasus after the establishment of the Soviet power in Azerbaijan. A brief characteristic of the international context influencing decision-making in relation to Georgia and Armenia is given. The author makes a short review of historiography. *Methods and materials.* A list of historical sources is presented. The materials of the Archive of foreign policy of the Russian Federation and the Russian state archive of social and political history, private documents and the description of Menshevik Georgia in 1920 by Soviet scientist and publicist N.L. Meshcheryakov are the base of the research. *Analysis.* Based on these sources, the author explores the Soviet-Georgian relations, which are considered as interstate, since Russian Soviet Federative Socialist Republic legally accepted the independence of the Georgian state. A comparison of the positions of the representatives of the Caucasus Bureau and the People's Commissariat for Foreign Affairs revealed the difference in approaches to politics in Georgia. Moscow was against forced Sovietization and considered the Georgian Republic as a temporary buffer between Russia, on the one hand, and the forces of the Entente and Kemalist Turkey, on the other. The main directions of the Soviet-Georgian interaction were analyzed. The author, giving examples from documents, proves that Georgia was used as a center for strengthening control over Azerbaijan, consolidating success in the North Caucasus and pursuing a policy of reintegrating the South Caucasus into the Russian statehood. One of the clauses of the Soviet-Georgian treaty signed in May 1920 was the creation of an associated commission. The article considers the features of its work and shows its inefficiency using the documents. *Results.* The author draws the conclusion that achieving independence in a wide international context was impossible for Georgia at that date. The RSFSR policy during 1920–1921 can be called the course of postponed Sovietization. It became an independent stage in the reintegration of the South Caucasus.

Key words: Caucasus Bureau, S. Kirov, Sovietization, Georgia, Russian Soviet Federative Socialist Republic, G. Chicherin, international relations, Soviet embassy.

Citation. Ambartsumyan K.R. Policy of Postponed Sovietization: Russian Soviet Federative Socialist Republic and Georgia in 1920–1921. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 2, pp. 119-132. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.9>

УДК 327(470)

ББК 63.3(235)

Дата поступления статьи: 14.09.2019

Дата принятия статьи: 23.01.2020

**ПОЛИТИКА ОТЛОЖЕННОЙ СОВЕТИЗАЦИИ:
РСФСР И ГРУЗИЯ В 1920–1921 ГОДАХ¹**

Каринэ Размиковна Амбарцумян

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье описана ситуация, сложившаяся на Южном Кавказе после установления советской власти в Азербайджане в начале 1920 года. Дается краткая характеристика международной ситуации, влиявшей на принятие решений Кавбюро и Наркомата иностранных дел в отношении Грузии и Армении. Здесь же сделан краткий историографический обзор изучаемой проблемы. *Методы и материалы.* Перечислены источники, к которым относятся документы Архива внешней политики РФ и Российского государственного архива социально-политической истории, источники личного происхождения и описание меньшевистской Грузии 1920 г., сделанное советским ученым и публицистом Н.Л. Мещеряковым. *Анализ.* На основании указанных источников автором исследуются советско-грузинские отношения, которые квалифицируются как межгосударственные, так как РСФСР юридически признала независимость грузинского государства. Сравнение позиции представителей Кавбюро и НКВД позволило выявить разницу подходов к политике в Грузии, Москва была против форсированной советизации и рассматривала кавказскую республику как временный буфер между Россией, с одной стороны, силами Антанты и кемалистской Турцией – с другой. Были проанализированы главные направления советско-грузинского взаимодействия. Автор, приводя примеры из документов, доказывает, что Грузия использовалась как центр поддержания контроля над советизированным Азербайджаном, закрепления успехов на Северном Кавказе и проведения политики реинтеграции Южного Кавказа в состав российской государственности. Одним из пунктов советско-грузинского договора, подписанного в мае 1920 г., было создание смешанной комиссии, в рамках статьи на конкретных документах рассматриваются особенности ее работы и показана ее неэффективность. *Результаты.* Сделаны выводы о невозможности достижения Грузией независимости в широком международном контексте в тот период. Политика РСФСР в течение указанного периода может быть названа курсом отложенной советизации, которая стала этапом реинтеграции Южного Кавказа в состав России.

Ключевые слова: Кавбюро, С.М. Киров, советизация, Грузия, РСФСР, Г.В. Чичерин, международные отношения, советское полпредство.

Цитирование. Амбарцумян К. Р. Политика отложенной советизации: РСФСР и Грузия в 1920–1921 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 119–132. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.9>

Введение. К 1920 г. большевики оттеснили Добровольческую армию с Северного Кавказа и вышли к пределам Южного. 8 апреля 1920 г. было сформировано Кавказское Бюро Центрального Комитета РКП (б). Возглавили новый орган партийного руководства в регионе Г.К. Орджоникидзе и С.М. Киров. Кавбюро стало главным инструментом советского правительства для реинтеграции Южного Кавказа в состав России. Прежде всего предстояло установить советскую власть во всех трех республиках, так как находившиеся в тот момент у власти национальные правительства стояли на позициях сохранения независимости и добивались признания своей государственности в Европе.

Фон советско-турецких и советско-британских отношений повлиял на процесс и скорость советизации на территории Южного Кавказа. В первом случае ускорилась советизация Азербайджана, а затем осенью 1920 г. большевики пришли ко власти в Армении. Успехам советской власти на Кавказе благоприятствовала кемалистская революция в Турции. В ноябре 1918 г. Константинополь был занят войсками Антанты, турецкий парламент

распустили, поэтому Мустафа Кемаль созвал парламент в Ангоре, там же было сформировано правительство. И в Турции, и в России пришедшие к власти правительства столкнулись с проблемами признания и сохранения национальной независимости, на этой почве началось сотрудничество. При внешнем сближении ангорского и большевистского правительств подспудно шла борьба за преобладание на Южном Кавказе. Во втором – был отложен захват независимой Грузии, так как синхронно с советизацией Южного Кавказа большевики пытались наладить торговые отношения с Великобританией и форсированная советизация Грузии в 1920 г. могла помешать переговорам.

В научной литературе проблема взаимоотношений Грузии и советской России в период после провозглашения независимости и до советизации, безусловно, освещалась [9]. Отдельной темой для изучения стали отношения Грузии и Добровольческой Армии [7; 8; 12; 13; 19]. С необычного ракурса на советско-грузинские отношения смотрит А.В. Ганин, его статья представляет собой комплексное исследование истории советской разведки в

Грузии на материалах миссии П.П. Сытина [3]. Историки, российские и зарубежные, рассматривают советско-грузинские отношения с ракурса международного контекста установления советской власти на Южном Кавказе [2; 10; 19; 21; 22; 23]. В рамках данной статьи ставится цель изучить на архивном материале реалии советско-грузинских отношений в 1920–1921 годы. Данная хронология ограничивается двумя важными событиями: подписанием Московского договора в мае 1920 г. с признанием Россией независимости грузинского государства и вступлением XI армии в Тифлис в феврале 1921 года.

Методы и материалы. Исследование построено на неопубликованных источниках, собранных в Архиве внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ) и Российском государственном архиве социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Фонд секретариата Г.В. Чичерина АВП РФ представлен многочисленными донесениями, подготовленными служащими представительства РСФСР в Грузии, в том числе главными дипломатическими представителями: С.М. Кировым и А.Л. Шейнманом. Кроме того, использовались инструкции, рекомендации и указания, которые направлялись в Кавбюро заместителем наркома иностранных дел Г.В. Чичерина Л.М. Караханом. Из фонда С.М. Кирова РГАСПИ для данной статьи использовались материалы писем, адресованных непосредственно Г.В. Чичерину. Применение компаративного анализа позволило выявить различие подходов большевистских лидеров в регионе и в центре к проводимой в Грузии политике: и к ее перспективам с точки зрения международных отношений советского государства в целом, и к ее успехам в геополитическом противостоянии на Южном Кавказе в частности. Объект исследования и комплекс источников потребовали реализации междисциплинарного подхода, который выразился в проведении политического анализа. Данный метод заимствуется из политологии и предполагает изучение политической и управленческой деятельности людей в конкретных условиях, кроме того, выявление факторов, влияющих на принимаемые политические решения на макро- и микроуровнях. Под последним понимается ситуация на Южном Кавказе, мак-

роуровень обозначает широкий контекст внешней политики советского государства.

Большое значение для результативности работы имело применение такого вида исторических документов, как источники личного происхождения. Речь идет о воспоминаниях грузинского дипломата З. Авалова и дневнике одного из известных белых военачальников М.А. Фостикова. Традиционно история международных отношений основана на дипломатических источниках. Привлечение так называемых эго-документов позволило существенно расширить представления об описываемых событиях, увидеть их глазами непосредственных участников. Компаративный анализ позволил выявить различия в отражении одного и того же события официальным документом и источниками личного происхождения, что способствовало более комплексной реконструкции изучаемых событий.

Интересный и информативный источник для историка Кавказа представляет собой работа советского ученого и публициста Н.Л. Мещерякова «В меньшевистском раю». С точки зрения жанровой она может быть квалифицирована как травелог, то есть описание путешествия. В работе с ней использовались подходы интеллектуальной истории, позволяющие выявить корреляцию между личностью автора и приводимыми в тексте сведениями.

Анализ. Члены Кавбюро выражали готовность к продвижению в Тбилиси сразу же после утверждения советской власти в Азербайджане. Однако Наркомат иностранных дел категорически запретил, так как именно в этот момент шли переговоры о налаживании торговых отношений с Англией и чрезмерное увлечение региональной кавказской политикой, какие-либо перегибы в ней были недопустимы. На данную аргументацию Москвы исследователи неоднократно обращали внимание. Например, на разницу в подходах к кавказской политике в центре и на местах одним из первых указал А.В. Квашонкин. Историк проанализировал переписку большевистского руководства и выявил расхождение позиций В.И. Ленина и Г.К. Орджоникидзе, который готовил скорейшую советизацию Грузии вслед за Азербайджаном. Ленин был категорически против [9, с. 167]. Архивные документы позволяют детализировать представления исто-

риков о мотивах большевистского руководства, сознательно предотвратившего форсированную советизацию Грузии весной 1920 года. Слабым местом при захвате Грузии был бы порт Батум, большевики опасались его потерять окончательно. Заместитель наркома иностранных дел Л. Карахан адресовал Г. Орджоникидзе секретное распоряжение, в котором пояснил, что устанавливать советскую власть в Грузии категорически запрещает ЦК. Москва рассчитывала на изгнание англичан из Батуми силами меньшевистской Грузии. Значение несоветизированной Грузии для широкого контекста международных связей Карахан определил следующим образом: «...нам выгоднее чтобы англичане были изгнаны из Батуми руками буржуазной Грузии, чем путем пропуска наших войск втянуться в войну с англичанами. Грузия нужна нам как временный буфер, будучи советской она не смогла бы в этой роли служить. Азербайджану следует заключить мир с Грузией, причем если имеются договоры с Азербайджаном, основанные на взаимных началах, их можно восстановить. Только получение ими нефти надо обставить так, чтобы мы всегда держали их в своих руках. По договору они обязаны очистить Батум от англичан, если будет затягиваться, мы можем закрыть нефть в нефтепроводах, как выходящем в Батум к англичанам, это будет серьезным кнудом для них, так как они получают нефть по нефтепроводу в Тифлис для всех своих нужд» [14, л. 43].

7 мая 1920 г. был заключен советско-грузинский договор (Московский договор), по которому РСФСР признала независимость Грузинской Демократической Республики и обязывалась не вмешиваться в ее внутренние дела. Большевики были вынуждены выстраивать с ней отношения как с суверенным государством. Статья 5 договора предусматривала интернирование остатков белого движения, передачу орудий и военно-морских судов, оставшихся от Добровольческой армии, в ведение РСФСР. Грузия обязывалась не допускать пребывания лиц и создания на своей территории организаций, «претендующих на роль правительства России». Советское правительство также брало на себя обязательство не поддерживать оппозицию грузинскому правительству на своей территории [5, с. 10–12].

Для соблюдения условий договора между двумя государствами создавалась русско-грузинская комиссия (смешанная комиссия) о военных гарантиях во главе с Л.И. Рузером.

Дипломатическим представителем РСФСР в Грузии назначили С.М. Кирова, затем осенью его сменил А.Л. Шейнман. Советским военным представителем, фактически военным атташе, в Грузинской демократической республике был назначен генерал-майор П.П. Сытин, который в 1918 г. командовал Южным фронтом [3, с. 207]. Он не был большевиком, не занимался политикой, главной его задачей как военного в Грузии была разведка и сбор сведений о военном состоянии республики и ее соседей. Беспартийность П.П. Сытина позволяла ему легче контактировать с нужными людьми, невзирая на то что был советским военным атташе. Первоначально он сосредоточивался на положении интернированных белых частей и на связях Грузии с врангелевским Крымом. Одной из заслуг П.П. Сытина стало предупреждение РСФСР о подготовке белыми десанта на Кубани. Освещая ситуацию в Грузии, П.П. Сытин предупреждал об антибольшевистском движении на Северном Кавказе, которое поддерживалось из Крыма и Грузии. Таким образом, беря под контроль Грузию, большевики стали осуществлять политику в широком региональном контексте. Они закрепляли результаты, достигнутые на Северном Кавказе, и готовили почву для полной реинтеграции Южного Кавказа. Так происходила слежка за вооруженными силами Армении и Турции [3, с. 221]. Более того, в Армению была направлена группа в район действий турецкого командующего Кара-Бекира, параллельно налаживалась связь Константинополя с Тифлисом с целью получения сведений о событиях в Греции, Болгарии, Румынии, Сирии и Месопотамии. Данные П.П. Сытину поступали более чем от 40 информаторов. При этом приоритетным направлением был сбор материалов о вооруженных силах закавказских республик [3, с. 224]. Советские представители всех уровней и направлений в Грузии стремились не терять контроля над внутрорегиональными процессами.

Осенью 1920 г. в распоряжение дипломатического представительства в Тифлис был откомандирован Н.Л. Мещеряков – советский

историк литературы, публицист, по политическим взглядам и партийной принадлежности большевик. Его обобщающее сочинение, своего рода путевые зарисовки по итогам поездки, вышло в 1921 г., еще до провозглашения советской власти в Тифлисе, и называлось иронично – «В меньшевистском раю» [12]. Статус автора трудно определить, вероятнее всего, необремененный официальными полномочиями Н.Л. Мещеряков выполнял роль стороннего наблюдателя и аккумулировал максимальное количество сведений, которые помогали бы формировать комплексное представление о состоянии дел в Грузинской республике. Его политическая ангажированность, безусловно, налицо, но в то же время советская власть была заинтересована в получении достоверных сведений с мест, поэтому Н.Л. Мещеряков максимально скрупулезно отразил все происходящее в Грузии и вокруг нее. Помимо катастрофического социально-экономического и политического положения, автор зарисовок дал комплексную характеристику международного контекста, сложившегося вокруг Грузии. Республика оказалась окружена силами Антанты, Советской России и кемалистской Турции. В этих условиях грузинский нейтралитет и независимость были утопией, так как центр международного противостояния сместился на Восток и для самосохранения необходимо было ориентироваться на ту или иную силу. Официально глава грузинского правительства – Ной Жордания – пытался поддерживать курс избегания приверженности «империалистам и большевикам» [11, с. 48]. Однако это диссонирует с реальностью, так как идти на компромиссы с той же советской Россией приходилось. К тому же избежать колебаний во внешней политике грузинские меньшевики осенью 1920 г. никак не могли, так как ходили упорные слухи, что англичане снова хотят занять Батум [11, с. 50], который мыслился как неотъемлемо грузинский.

Провозглашенная независимость Грузинской демократической республики не улучшала, а даже усугубляла экономическое положение. Внутренняя ситуация республики была катастрофической и вынуждала грузинское правительство подписывать торгово-транзитные договоры с Россией и Азербайджаном.

Нарком иностранных дел Азербайджана М. Гусейнов, докладывая Г.В. Чичерину об отношениях с Грузией, передавал следующее состояние дел: «...положение Грузии таково, что вся промышленность остановилась, большая часть заводов не работает, электричество только на несколько часов, сократилось трамвайное движение. На днях было издано постановление, что автомобильная езда разрешается только военным властям и бензин отпускаться будет только им. Движение поездов сократилось до минимума, тарифы выросли в 100 раз против мирного времени. ...Под значительную партию марганца Грузиины получили в Англии заем в 200 тыс. фунтов стерлингов, на них они много не получают. Откуда получить эти стерлинги неизвестно. ...Вывезен табак в Лондон, но он не продается, так как сформировалось мнение, что он плохого качества. ...Прекратился подвоз товаров в Батум, все что там было вывезено в Константинополь, отчасти в Крым. ...В Грузии есть каменный уголь, но и он невысокого качества и с примесью песка, от него паровозы страшно портятся» [20, л. 10–11].

Второй секретарь полпредства РСФСР в Грузии И. Дивильковсковский подчеркивал схожесть с ситуацией в России: «...следует помнить, что экономически Грузия та же Советская Россия, куда лишь случайно попадают такие вещи, как медикаменты и оттуда также как из России бегут богатые специалисты доктора с европейской известностью. Объясняется все это низким курсом грузинских бонов, вызванным в значительной степени настоящей отрезанностью Грузии от Баку. Если Вы следите за грузинской прессой, то заметили, вероятно, какой глубокий интерес вызвали во всех газетах, а в частности в органе богатой торгово-промышленной армянской буржуазии “Слове”, приезд Гусейнова в Тифлис и возобновление торговых переговоров, все здесь отлично понимают, что с одним марганцем, низкопробным табаком, Боржомской водой и кахетинскими винами Грузия далеко не уедет и не остановит падения своей валюты на Константинопольском рынке, Чиатурские же копи дают ограниченное производство, чтобы их торговля отзывалась на общей сумме грузинского экспорта. Всем этим обуславливается интерес грузин к переговорам с Гусейновым, для них не так важна нужда само-

го государства в нефти, для удовлетворения которой есть запасы, как возможность вывоза нефти за границу и поднятия курса бонов» [16, л. 18].

Экономический упадок усугублялся внешнеполитическим контекстом жизни республики, грузинскому правительству фактически никто не оказывал эффективной помощи. Для иностранных миссий, например для итальянской, Грузия имела экономическую ценность. Однако Италия сама испытывала серьезные трудности, при этом была бедна полезными ископаемыми. В связи с этим в Грузии итальянцы ставили целью решить проблемы собственного дефицита ресурсов. Кроме того, судя по беседам С.М. Кирова с итальянским послом в Закавказье Мерконтейлли, позиция России имела значение для Европы. Он подчеркивал, как важно существование «грузинского мостика» для Запада в целом и Италии в частности. Ситуация показательна, так как демонстрирует, что Россия нуждалась в Грузии для налаживания сообщения с Европой. Батум С.М. Киров уже рассматривал как порт подконтрольный и поэтому гарантировал Мерконтейлли безопасность для итальянских купцов и товаров [17, л. 102].

Кризис финансовый и упадок в производстве вынуждал грузинское правительство искать помощи в Европе. Министр финансов К.П. Канделаки в Лондоне направился в Лондон за займом и с собой увез для продажи крупную партию табака. Товар в итоге пришлось отдать за бесценок, практически себе в убыток [17, л. 19]. Прибывшая в сентябре 1920 г. в Тифлис делегация Женевского Конгресса III Интернационала во главе с Каутским смогли помочь только советами, а именно в качестве средств выхода из кризиса рекомендовали усиление налогов, принудительные займы и концессии с представителями европейского капитала [15, л. 2].

14 ноября 1920 г. был подписан двусторонний транзитный договор между Россией и Грузией. В нем шла речь о транзите без пошлин, но с соблюдением таможенных формальностей. В секретных пунктах договора Грузия обязывалась отдать России и Азербайджану в арендное пользование нефтехранилища в Батуме со всеми приспособлениями слива и налива, насосные станции и налив-

ные приспособления [20], без всего этого оснащения транспортировка и экспорт нефти были невозможны. Неравноправность положения грузинской стороны усиливалась ограничением не допускать хранения нефтепродуктов кем-либо другим кроме России и Азербайджана.

В июне 1920 г. в Акстафе (Азербайджан) было заключено торгово-транзитное соглашение между Россией и Азербайджаном с одной стороны и Грузией – с другой. От России соглашение подписывал представитель Наркомата внешней торговли А. Шейнман, от Азербайджанской ССР – нарком иностранных дел М. Гусейнов, от Грузинской Демократической Республики – К. Сабахтарашвили. Согласно акстафинскому соглашению, Грузии отпускались ежемесячно нефтепродукты, а грузинская сторона соглашалась на транзит грузов через свою территорию, в том числе и нефти.

Заключение договоров было направлено не только на урегулирование советско-грузинских и азербайджано-грузинских отношений. Советское правительство стремилось всячески продемонстрировать и Грузии, и Европе умение уважать чужой суверенитет и соблюдать подписываемые соглашения. Мерконтейлли убеждал С.М. Кирова в том, что на примере отношений с закавказскими республиками Советская Россия может показать миру свои деловые качества, что будет способствовать заключению с ней соглашений о сотрудничестве. В то же время снималась напряженность в отношениях советского и грузинского правительств и появилась возможность контролировать отношения Грузии с другими кавказскими республиками. Так, силами полпредства были пресечены попытки в двустороннем порядке решить вопрос о транзите нефти и налаживании сотрудничества Грузии и Азербайджана.

Функционально полпредство РСФСР, как и миссия П.П. Сытина, стало инструментом сбора информации и контроля над ситуацией не только в Грузии, но и во всем Закавказье. Регулярные письма С.М. Кирова, адресованные Г.В. Чичерину, свидетельствуют о широте политических полномочий представительства, и они выходили далеко за пределы грузинских границ. Например, предпринимались

попытки снять остроту армяно-азербайджанского конфликта. В Тифлисе при посредничестве С.М. Кирова устраивались совещания. Суть конфликта сводилась к территориям: Шаруро-Даралагезский уезд, Нахичеванский уезд, Ордубат, Джульфа, Зангезур, Карабах. С.М. Киров пессимистически оценивал перспективы разрешения данного вопроса на месте. Он призывал Г.В. Чичерина «решить этот вопрос Москве». Прекращение территориальных споров Азербайджана и Армении с его точки зрения возможно было только путем проявления политической воли советского правительства, иначе дискредитировалась вся политика России на Кавказе, так как нейтральное отношение будет пониматься как злой умысел или беспомощность [18, л. 14–15]. И то, и другое означало репутационные издержки для России в международном контексте.

Официально для всего мира шло налаживание отношений между двумя независимыми государствами. На самом же деле, не имея возможности полностью взять под контроль территорию, советская власть через договоры пыталась пресечь поддержку Антантой Врангеля через Грузию, а также оградить от преследования властей представителей коммунистической партии. Добиться соблюдения этих пунктов было крайне трудно, в том числе по причине непрофессионализма сотрудников полпредства. Свидетельства с мест формируют картину полной дезорганизации и самостоятельности в работе советского представительства. Большевики не наработали опыта в сфере международных отношений, не имели должного кадрового обеспечения для работы в представительстве. Для соблюдения договоров создавалась смешанная русско-грузинская комиссия. Смешанная комиссия с поставленными задачами не справилась и дискредитировала себя. И. Дивильковский регулярно информировал Г.В. Чичерина о беспорядках в организации работы комиссии и бесчинствах ее главы Л.И. Рузера, который занимал должность полномочного представителя наркомвнешторга РСФСР в Грузии. Он приводит вопиющий случай, когда в Британскую миссию явился советский сотрудник и продал англичанам один из шифров. И. Дивильковский подозревал именно Л. Рузера и его любовницу [20, л. 14].

Камнем преткновения в советско-грузинских отношениях стало невыполнение договоренности об интернировании и разоружении белогвардейских частей. В донесениях П.П. Сытина зафиксировано тяжелое положение денкинцев в Поти и Тифлисе, они голодали, но в советскую Россию возвращаться боялись. Нередки были случаи, когда их обманом увозили в Крым к Врангелю, обещая помочь переправиться в Европу. П.П. Сытин разумно предлагал поддержать белогвардейцев, чтобы они не пополняли ряды врангелевского войска. Он начал сам предпринимать попытки помощи интернированным белым, однако для решения проблемы нужны были деньги, которых ни у миссии, ни у полпредства не было [3, с. 215].

В источниках неоднократно встречаются упоминания случаев нарушения пункта договора об интернировании. Так, в переписке советника полпредства в Грузии Л.Н. Старка с Г.В. Чичериным описана известная ситуация, сложившаяся вокруг генерала М.А. Фостикова. С.М. Киров в ноте, адресованной министру иностранных дел Грузии, представил следующее видение событий: «Фостиковская “армия” разбита окончательно. Часть погрузилась в Адлере на суда и перевезена в Крым. Часть перешла грузинскую границу и по заявлению грузин, интернирована ими в районе Гагр. Они предложили мне послать представителей для принятия интернирования, согласно договору. Завтра выезжает сюда товарищ Сытин с необходимыми людьми. По словам грузин, к Гаграм подходили врангелевские суда и требовали под угрозой обстрела и выдачи им интернированных, но грузины не согласились. Я думаю это комедия. Фостиковцы просачиваются небольшими партиями в Крым через Поти и Батум при полнейшем попустительстве грузинских властей» [15, л. 2]. Удивление и возмущение советских представителей вызывало то, как открыто врангелевские суда вывезли казаков Фостикова, которые по советско-грузинскому договору подлежали интернированию: «14 октября к интернированным в сопровождении также “интернированного” генерала Фостикова прибыл командующий грузинскими войсками Сухумского округа генерал Мачевариани. В это время в гагринском рейде появился врангелевский крейсер Алмаз. Грузинское прави-

тельство не отводит казаков в тыл и не усиливает охрану интернированных (20 грузинских солдат караулило 5 тысяч казаков), но наоборот грузинское правительство приказывает генералу Мачевариани выгружать с врангелевских судов муку и этим узаконивает подход врангелевских судов к берегу. ...Затем казаки погружаются на суда и уходят в море» [15, л. 54].

Данный исторический эпизод известен, однако представляется целесообразным сравнить видение ситуации советскими представителями с описаниями событий в дневнике самого М.А. Фостикова. Грузинское правительство оказалось между двух огней. Комиссия, состоявшая из большевиков и грузинских представителей, действительно выехала из Тифлиса в Гагры, и полковник Сумбатов сообщил, что правительство планирует выдать группу казаков большевикам. Более того, Сумбатов категорично обозначил М.А. Фостикову грузинскую позицию, утверждая, что ему для сохранения страны необходимо жить в мире с Россией, поэтому интернирование неизбежно [4, с. 158–159]. Приведенные архивные документы показывают ошибочность трактовки поведения грузинской стороны советской стороной, так как М.А. Фостиков довольно обстоятельно описал, какие препятствия ему чинили именно грузины, решительно настроенные сдать казаков большевикам.

Советское представительство в Тифлисе неоднократно указывало на факты снабжения Врангеля нефтепродуктами. Зачастую оно оказывалось в тупике по причине того, что доказательная база «не достаточно документальна и официальна» [6, л. 49]. Однако, когда предъявлялись неопровержимые доказательства, грузинское правительство попадало в затруднительное положение. Например, пришлось признать уступку нефтепродуктов ростовскому промышленнику и либералу Н.Е. Парамонову, который активно помогал Врангелю и играл видную роль при его правительстве [6, л. 49]. С Н.Е. Парамоновым связана конфликтная ситуация вокруг корабля «Принцип», находящегося в порту Поти. Судно считалось одним из самых крупных и фактически до революции принадлежало семье Парамоновых. Однако РСФСР в связи с проходившей национализацией объявила все российские суда в грузинских портах своей собственностью и грузинские власти обязывались их не выпускать. Когда Парамоновы с оставшимися сбережениями в ночь с 28 на 29 декабря 1920 г. эмигрировали на «Принципе» в Константинополь, советское представительство обвинило грузинские власти в допущении угона российского судна [6, л. 156–157].

Отдельным аспектом Московского договора России и Грузии в 1920 г. являлось положение коммунистической партии, которую грузинское правительство обязывалось легализовать и прекратить ее преследование. Данное положение было изложено в особом секретном дополнении к договору. Преследования прекратились, но только частично, наиболее активные коммунисты были «выловлены», в тюрьмах оказалось около 200 чел. [20, л. 22].

Урегулировать вопрос о преследованиях грузинских коммунистов никак не удавалось. Уже после заключения договора в июне 1920 г. С.М. Киров адресовал в министерство иностранных дел Грузии ноту, выдержанную в ультимативном тоне: «...в моем распоряжении список членов Коммунистической партии, находившихся в тюрьмах до заключения договора между Россией и Грузией вопреки статье X и не освобожденные до сих пор. Не могу не обратить внимание на то, что помещение Представительства РСФСР в Грузии стало источником открытого выдавливания административными властями не только членов Коммунистической партии, но и простых граждан. При выходе из помещения Представительства посетители систематически задерживаются, обыскиваются и арестовываются, высылаются за пределы Грузии. Если эти явления не будут прекращены, то моему Правительству не останется другого выхода как применить ответные репрессии в отношении грузинских граждан находящихся на территории РСФСР» [6, л. 20–21].

Однако грузинская сторона в ответ на подобные обвинения приводила свои доводы, объясняя репрессии против коммунистов необходимостью: «К величайшему огорчению нам приходится констатировать тот факт, что члены Грузинской коммунистической партии, помимо своей легальной работы, пользуясь огромными денежными средствами, получаемыми извне ведут деятельную пропаганду в

войсках, в рядах народной гвардии и широких масс крестьян с целью ниспровержения существующего в стране правопорядка» [6, л. 22–23].

Обострение ситуации вокруг коммунистов было крайне невыгодно для советского правительства, по замыслу Л.М. Карахана, чтобы грузинское правительство безбоязненно изгнало англичан из Батума, оно должно быть уверенно в лояльном к себе отношении со стороны большевиков. Возникла еще одна опасность: слишком хорошие отношения с Грузией могли навредить советской политике в Азербайджане. Таким образом, Тифлис становился центром поддержания равновесия и этнического, и политического на всем Южном Кавказе. Соответственно, такое стремительное провозглашение советской власти здесь могло бы этот баланс нарушить. Именно поэтому Наркомат иностранных дел через Л.М. Карахана поручал Г.К. Орджоникидзе сдерживать активность местных коммунистов и следить за ходом развития советско-турецких отношений: «Соглашаясь с Вами, что мир с христианскими государствами мусульмане оценят неправильно, мы с армянами не вступим в переговоры, прежде чем не завяжутся у нас сношения с Турцией, к нам едет Энвер-Паша и представители Кемал-Паши с Юга. Переговорами с Турцией мы сгладим наш мир с христианской Грузией. Укажите Тифлису, чтобы наши сразу не приступили к изданию газеты и легальной работе. Через Уратадзе (Уратадзе Г.И. – грузинский политик, посол Грузии в России. – *К. А.*) я посылаю краевому комитету много литературы. Укажите крайкому, чтобы они сносились с ними по проводу через Гегечкори, проверьте все ли наши освобождены в Тифлисе, чтобы знали, выполняют ли они свое обязательство. Информировать о положении в Азербайджане, есть ли связи с Персией и Турцией, что происходит в Армении» [14, л. 43].

Официальная нотная переписка между советскими и грузинскими представителями по вопросу положения коммунистов дополняется донесениями с мест, которые получал Г.В. Чичерин от сотрудников полпредства. В Наркоминдел РСФСР приходили следующие свидетельства: «Встреча нашей Миссии здешними коммунистами была самая благо-

желательная, какой только можно было требовать. Однако в отношении членов местного ЦК к нам чувствовалась натянутость. Легализация партии принесла большой вред и работе, и жизни ее членов (аресты, массовые облавы, чего при нелегальном положении не было), против этого нашей Миссией не было принято энергичных мер. Дело ухудшалось скандалами в Миссии на почве неорганизованности. Дебоши и кутежи. Все это отражается на Тифлисском местном мнении, в частности отношении рабочих-коммунистов. Чтобы поправить дело, мы приехавшие из центра создали коммунистическую ячейку и при ней контрольную миссию» [16, л. 5].

Непрофессионализм действий советских представителей вредил интересам России. Например, они должны были следить и гарантировать неукоснительное соблюдение грузинской стороной обещания не помогать Врангелю ни оружием, ни людьми, ни нефтепродуктами. Однако И. Дивильковский в донесениях, адресованных в НКВД, доказывал обратное. Например, один из сотрудников комиссии А.К. Бенкендорф обследовал отправляющиеся в Крым корабли, на которых были белогвардейцы. Однако им они обнаружены не были и из запрещенного выявлена только бочка с керосином [16, л. 5].

Реакция со стороны НКВД РСФСР не заставила себя долго ждать. 4 сентября 1920 г. Г.В. Чичерин Л.И. Рузера отозвал, а комиссию приказал существенно сократить. Москва ситуацию в Тифлисе контролировала плохо, что усугубляло эффект от непрофессионализма действий представителей на местах. Работала со сбоями связь, об этом часто говорится в документах. Слабая коммуникация и отсутствие квалификации приводили к казусам в «дипломатической» работе в Грузии. С.М. Киров часто брал инициативу в свои руки, вплоть до того, что начал назначать консулов в грузинские города. Такая практика была недопустима, так как подобные назначения должно было совершать центральное внешнеполитическое ведомство. Без передачи сведений центру было заключено соглашение о правилах переезда между Грузией и Россией. Г.В. Чичерин вынужден был одергивать С.М. Кирова: «У нас существуют самые строгие ограничения выезда и заезда за границу.

Грузия, несомненно является такой заграницей» [16, л. 40]. От вышеупомянутого И. Дивильковского поступали жалобы на работу С.М. Кирова: «...отправлять пакеты в центр, а не местным Северо-Кавказским учреждениям – как общее правило, я старался соблюдать с самого начала, но это оказалось практически невозможным, так как Киров – человек местный имеет больше интересов во Владикавказе или Баку, чем в Москве. Все безобразия грузин с нашим курьером начались после того, как Киров отправил во Владикавказ своему приятелю Квиркелии автомобильные покрывки, считающиеся здесь контрабандным товаром, в громадном ящике, привлечшим конечно внимание грузин...» [16, л. 5].

В сентябре 1920 г. было принято решение заменить С.М. Кирова на А.Л. Шейнмана в качестве полпреда в Грузии. Однако представленная ситуация в Грузии симптоматична, так как показывает, что договорные отношения были бессмысленны и не работали. России грозила утрата уже занятых позиций, в том числе и на Северном Кавказе. В Нагорном Дагестане с сентября 1920 г. бушевало антибольшевистское восстание. По сведениям, имеющимся у большевиков, грузинское правительство помогало оружием и посылало своих офицеров. Учитывая трудное положение Республики Грузия, советское правительство за помощью повстанцев видело влияние Антанты. Данному факту есть документальное подтверждение в виде письма генерала Туманова – врангелевского уполномоченного в Тифлисе – генералу-помощнику Батумского генерал-губернатора генералу Гедеванову. Туманов был председателем комитета изгнания большевиков из Терской области и Северного Кавказа. Суть ситуации в том, что он передавал Врангелю пакет и просил посодействовать его отправке пароходом в Крым. В обмен из Крыма обещался хлеб, правда, для продажи [6, л. 48]. В связи с этим советизация была средством закрепления в Грузии и сохранения уже достигнутых результатов, а также залогом завершения гражданской войны на Кавказе.

К концу 1920 г. советское руководство полагало, что Восток фактически находится в руках Ленина и Мустафы Кемаля [7]. Основания для уверенности в превосходстве были, западные державы отказались от военно-

политической активности на Кавказе. Грузия оказалась зажата в тиски между советскими республиками и Турцией. Еще в июне 1920 г. Англия приняла решение покинуть Батум, и получив порт в свое распоряжение, Грузия потеряла поддержку. Эту передачу З. Авалов справедливо назвал «даром данайцев» [1, с. 280]. Однако в течение продолжительного периода постоянно стояла угроза, что англичане захотят вернуть Батум, чтобы он не достался большевикам или кемалистам. Особенно данная угроза со всей очевидностью обозначилась, когда турецкие войска, занимая армянские территории, приближались к грузинской границе.

К началу ноября 1920 г. З. Авалов получил поручение начать процесс по вступлению Грузии в Лигу Наций. 16 декабря 1920 г. рассматривался вопрос об Армении, Грузии и Балтийских государствах. По всем кандидатурам голосование было отрицательным. Авалов в кулуарах беседовал с делегатом Кубы, который готовил голосование, и выяснил, что картину определили Англия и Франция. Например, южноамериканские республики однозначно смотрели на их позицию. Со всей очевидностью грузинское правительство осознало незащищенность со всех сторон. Продолжая отстаивать интересы республики в Лиге Наций, Е. Гегечкори обратился с просьбой о юридическом признании независимости и 27 января 1921 г. получил положительное извещение с подписью Аристиды Бриана.

Просчет грузинского правительства был в чрезмерной ориентации на Лигу Наций. На тот момент ситуацию на Южном Кавказе определяли Советская Россия и Кемалистская Турция. В Москву в начале ноября пришла информация от Сталина, что Грузия все-таки вошла в состав Лиги Наций и представлять ее там будет Е. Гегечкори, что расходилось с реальностью. Грузия находилась в тяжелом экономическом положении, остро нуждалась в нефти. Советское правительство требовало от своих представителей в Тифлисе использовать это положение и не допустить, чтобы доведенная до отчаяния Грузия «бросилась в объятия Англии» и передала ей Батум.

16 ноября 1920 г. Г.В. Чичерин поспешил предупредить полномочного представителя Грузии в Москве Г. Махарадзе о том, что занятие Батума будет расцениваться как попыт-

ка создания на юге нового фронта. Такого же протестного содержания нота была отправлена в Великобританию. Опасались не только Англии, вполне реально была турецкая угроза занятия порта. Кемалистам с Англией согласия достичь не удалось, но и советское правительство пока еще не довело дело до договора с Анкарой. В связи с этим опасения, что Батум будет утрачен, были обоснованы. От соблазна оккупировать Батум турецкую сторону сдерживала зависимость от поставок советского оружия и золота.

Получив независимость, грузинское правительство поспешило налаживать дипломатические связи с Европой, что отвлекло от главных событий дома. Согласно письмам С.М. Кирова, адресованным Г.В. Чичерину, в августе 1920 г. большая часть грузинских лидеров просто отсутствовала в Тифлисе: кто-то был в Европе, а кто-то и на отдыхе. Возлагая большие надежды на Антанту, грузинское правительство упускало возможность взять под полный контроль ситуацию на месте. Как только на западе у РСФСР с Польшей было достигнуто перемирие, у большевиков руки были развязаны окончательно. 15 февраля 1921 г. на территорию Грузии вошла XI армия, 25 февраля она была уже в Тифлисе. Достаточно трагично на фоне разворачивающегося захвата страны выглядит фигура грузинского посланника во Франции А. Чхенкели, который в этот же день в Париже торжественно ехал к резиденции президента французской республики для вручения верительных грамот.

Результаты. После провозглашения советской власти в Азербайджане в апреле 1920 г. встал вопрос о дальнейших действиях Кавбюро и IX армии. Г.К. Орджоникидзе был настроен решительно относительно Грузии и настаивал на дальнейшем продвижении в Тифлис. Политбюро ЦК выступили категорически против. Во-первых, в это время продолжалась война с Польшей, поэтому делать резкие шаги на Кавказе было опасно. Преждевременная советизация Грузии могла обострить отношения с Англией и Антантой в целом. Во-вторых, архивные источники позволили выявить еще один мотив действий ЦК. Грузия рассматривалась большевиками как временный буфер, который дает возможность бороться с английским влиянием на Южном Кавказе опосредовано, а так-

же контролировать Турцию, имевшую свои интересы в регионе.

Подписанный 7 мая 1920 г. советско-грузинский договор стал первым фактом юридического признания Грузинской Демократической Республики. Дальнейшие отношения предполагали налаживание активного межгосударственного сотрудничества, в первую очередь в сфере экономики, так как обе стороны пребывали в состоянии сильнейшего хозяйственного разорения. Советско-грузинскому взаимодействию были приданы все необходимые внешние формы: обмен представительствами, налаживание консульских связей, формирование договорной базы отношений. При этом фактически несоветизированная Грузия для советской России стала центром дальнейшего включения Южного Кавказа в сферу своего влияния. Азербайджан, хотя там и советская власть установилась раньше всего, традиционно тяготел к Турции, и, будучи советским, он оставался независимым, поэтому о полном его подчинении речи не было. Кроме того, бакинская нефть теряла свое значение без возможности ее транспортировки в Батум. По этой причине хорошие отношения с Грузией были нужны еще в связи с наличием нефтепровода Баку – Батум. Все действия советской власти в рассматриваемый период можно назвать политикой отложенной советизации Грузии. Юридическое признание большевистским правительством грузинской независимости – это был своего рода крюк по пути полного подчинения Южного Кавказа.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта «Большой Кавказ в контексте внешней политики России (1917–1922 гг.)» (№ 18-09-00444).

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, project “The Greater Caucasus in the context of Russia’s foreign policy (1917–1922)” (No. 18-09-00444).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авалов, З. Д. Независимость Грузии в международной политике 1918–1921 гг.: Воспоминания. Очерки / З. Д. Авалов. – Париж : [б. и.], 1924. – 318 с.

2. Амбарцумян, К. Р. Место Южного Кавказа в советско-турецком сближении в 1920–1921 гг. / К. Р. Амбарцумян // Гуманитарные и юридические исследования. – 2017. – № 3. – С. 8–15.

3. Ганин, А. В. Советская военная разведка в Грузии в 1920–1921 годах. Миссия Павла Сытина / А. В. Ганин // Государственное управление : электрон. вестник. – 2014. – Вып. 43. – С. 207–251.

4. Дневник генерала М.А. Фостикова // Дневники казачьих офицеров / сост. П. Н. Стрелянова. – М. : ЗАО Центрполиграф, 2004. – С. 15–181.

5. Договор между РСФСР и Грузией // Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика и Грузинская Демократическая республика. Их взаимоотношения. – М. : Гос. изд-во, 1921. – С. 8–16.

6. Закавказье, РСФСР и Грузинская демократическая республика // АВП РФ. – Ф. 4. – Оп. 51. – Папка 321. – Д. 54850. – 150 л.

7. Карпенко, С. В. «Россия на Кавказе останется навсегда»: Добровольческая армия и независимая Грузия (1918–1919 гг.) / С. В. Карпенко // Новый исторический вестник. – 2008. – № 2. – С. 117–123.

8. Карпенко, С. В. Очерки истории Белого движения на юге России (1917–1920 гг.) / С. В. Карпенко. – М. : Изд-во Ипполитова, 2006. – 455 с.

9. Квашонкин, А. В. Советизация Закавказья в переписке большевистского руководства, 1920–1922 гг. / А. В. Квашонкин // Cahiers du Monde Russe. – 1997. – Vol. 38, No. 1–2. – P. 163–194.

10. Ментешашвили, А. Г. Из истории взаимоотношений Грузинской Демократической Республики с советской Россией и Антантой. 1918–1921 гг. / А. Г. Ментешашвили. – Тбилиси : [б. и.], 1989. – 72 с.

11. Мещеряков, Н. Л. В меньшевистском раю. Из впечатлений поездки в Грузию / Н. Л. Мещеряков. – М. : Гос. изд-во, 1921. – 56 с.

12. Михайлов, В. В. Добровольческая армия и Грузия в 1918 г. / В. В. Михайлов, А. С. Пученков // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. – 2012. – № 1. – С. 1–9.

13. Муханов, В. М. К истории советизации Закавказья (1920–1921 гг.) / В. М. Муханов // Кавказский сборник. – 2014. – Т. 8 (40). – С. 171–228.

14. Переговоры РСФСР с Грузией и Договор // АВП РФ. – Ф. 4. – Оп. 1. – Папка 321. – Д. 54851. – 45 л.

15. Переписка со Старком (1920) // АВП РФ. – Ф. 4. – Оп. 51. – Папка 321. – Д. 54845. – 37 л.

16. Переписка Чичерина с Дивильковским (1920) // АВП РФ. – Ф. 4. – Оп. 51. – Папка 321. – Д. 54843. – 29 л.

17. Письмо С. М. Кирова Чичерину о политическом положении в Грузии. 19 июля 1920 - 6 августа 1920 // РГАСПИ. – Ф. 80. – Оп. 4. – Д. 106–4 л.

18. Письмо С. М. Кирова из Тифлиса Чичерину Г. В. о политической обстановке Грузии (ответ

на письмо Чичерина Г.В. №1,2,3) // РГАСПИ. – Ф. 80. – Оп. 4. – Д. 11. – 22 л.

19. Пученков, А. С. Национальная политика генерала Деникина / А. С. Пученков. – М. : Научно-политическая книга, 2016. – 399 с.

20. Транзитный договор с Грузией // АВП РФ. – Ф. 4. – Оп. 51. – Папка 321. – Д. 54852. – 34 л.

21. Andersen, A. Georgia and the International Treaties of 1918 – 1921 / A. Andersen. – Ontario : Richmond Hill, 2018. – 480 p.

22. Baberowski, J. Der Feind ist überall: Stalinismus im Kaukasus / J. Baberowski. – München ; Stuttgart : Deutsche Verlags-Anstalt, 2003. – 888 p.

23. Hasanli, J. The Sovietization of Azerbaijan: The South Caucasus in the Triangle of Russia, Turkey, and Iran, 1920–1922 / J. Hasanli. – Salt Lake City : University of Utah Press, 2018. – 484 p.

REFERENCES

1. Avalov Z.D. *Nezavisimost' Gruzii v mezhdunarodnoi politike 1918–1921 gg.: Vospominaniya. Ocherki* [Independence of Georgia in the International Politics of 1918–1921: Memoirs. Essays]. Paris, [s. n.], 1924. 318 p.

2. Ambartsumyan K.R. *Mesto Yuzhnogo Kavkaza v sovetsko-turetskom sblizhenii v 1920–1921 gg.* [Place of the South Caucasus in the Soviet-Turkish rapprochement in 1920–1921]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya* [Humanitarian and Law Studies], 2017, no. 3, pp. 8–15.

3. Ganin A.V. *Sovetskaya voennaya razvedka v Gruzii v 1920–1921 godakh. Missiya Pavla Sytina* [Soviet military intelligence in Georgia (1920–1921). Pavel Sytin's Mission] *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik* [State Management. Electronic Review], 2014, no. 43, pp. 207–251.

4. Dnevnik generala M.A. Fostikova [M. Fostikov's Diary] *Dnevniki kazach'ikh ofitserov* [Diaries of Cossack Officers]. Ed. by P.N. Strelyanov. Moscow, ZAO Tsentropoligraf, 2004, pp. 15–181.

5. *Dogovor mezhdru RSFSR i Gruziei* [Treaty between the RSFSR and Georgia]. *Rossiiskaya Sotsialisticheskaya Federativnaya Sovetskaya Respublika i Gruzinskaya Demokraticeskaya respublika. Ikh vzaimootnosheniya* [Russian Socialist Federative Soviet Republic and Georgian Democratic Republic. Their Relationship]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1921, pp. 8–16.

6. *Zakavkaz'e, RSFSR i Gruzinskaya demokraticeskaya respublika* [Transcaucasia, the RSFSR and the Georgian Democratic Republic] *Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii* [Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation], f. 4, inv. 51, folder 321, d. 54850. 150 l.

7. Karpenko S.V. «Rossiya na Kavkaze ostanetsya navsegda»: Dobrovol'cheskaya armiya i nezavisimaya Gruzija (1918–1919 gg.) [“Russia Will Remain Forever in the Caucasus”: Volunteer Army and Independent Georgia (1918–1919)]. *Novyi istoricheskii vestnik* [New Historical Bulletin], 2008, no. 2, pp. 117-123.
8. Karpenko S.V. *Ocherki istorii Belogo dvizheniya na yuge Rossii (1917–1920 gg.)* [Essays on the History of the White Movement in Southern Russia (1917–1920)]. Moscow, Izdatel'stvo Ippolitova, 2006. 455 p.
9. Kvashonkin A.V. *Sovetizacija Zakavkaz'ja v perepiske bol'shevistskogo rukovodstva, 1920–1922 gg.* [The Sovietization of Transcaucasia in the Correspondence of the Bolshevik Leadership, 1920–1922]. *Cahiers du Monde Russe* [Russian World Papers], 1997, vol. 38, no. 1-2, pp. 163-194.
10. Menteshashvili A.G. *Iz istorii vzaimootnoshenii Gruzinskoj Demokraticheskoi Respubliki s sovetskoi Rossiei i Antantoi. 1918–1921 gg.* [From the History of Relations Between the Georgian Democratic Republic and Soviet Russia and the Entente. 1918–1921]. Tbilisi, [s. n.], 1989. 72 p.
11. Meshcheryakov N.L. *V men'shevistskom rayu. Iz vpechatlenii poezdki v Gruziju* [In a Menshevik Paradise. From a Trip's Impressions of Georgia]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1921. 56 p.
12. Mikhailov V.V., Puchenkov A.S. *Dobrovol'cheskaya armiya i Gruzija v 1918 g.* [Volunteer Army and Georgia in 1918]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University], 2012, no. 1, pp. 1-9.
13. Mukhanov V.M. *K istorii sovetizatsii Zakavkaz'ya (1920–1921 gg.)* [On the History of the Sovietization of Transcaucasia (1920–1921)]. *Kavkazskii sbornik* [Caucasian Collection], 2014, vol. 8 (40), pp. 171-228.
14. *Peregovory RSFSR s Gruziei i Dogovor* [RSFSR Negotiations with Georgia and the Treaty]. *Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii* [Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation], f. 4, inv. 1, folder 321, d. 54851. 451.
15. *Perepiska so Starkom (1920)* [Correspondence with Stark (1920)]. *Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii* [Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation], f. 4, inv. 51, folder 321, D. 54845. 371.
16. *Perepiska Chicherina s Divil'kovskim (1920)* [Chicherin's correspondence with Divilkovsky (1920)]. *Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii* [Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation], f. 4, inv. 51, folder 321, d. 54843. 291.
17. *Pis'mo S.M. Kirova Chicherinu o politicheskom polozhenii v Gruzii. 19 iyulya 1920 – 6 avgusta 1920* [Kirov's Letter to Chicherin About the Political Situation in Georgia. July 19, 1920 - August 6, 1920]. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii* [Russian State Archive of Social and Political History], f. 80, inv. 4, d. 106. 41.
18. *Pis'mo S.M. Kirova iz Tiflisa Chicherinu G.V. o politicheskoi obstanovke Gruzii (otvet na pis'mo Chicherina G.V. №1,2,3)* [Kirov's Letter from Tiflis to G. Chicherin About the Political Situation in Georgia (Response to a Letter from Chicherin G.V. No. 1,2,3)]. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii* [Russian State Archive of Social and Political History], f. 80, inv. 4, d. 11. 22 l.
19. Puchenkov A.S. *Natsional'naya politika generala Denikina* [National Policy of General Denikin]. Moscow, Nauchno-politicheskaya kniga Publ., 2016. 399 p.
20. *Tranzitnyi dogovor s Gruziei* [Transit Agreement with Georgia]. *Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii* [Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation], f. 4, inv. 51, folder 321, d. 54852. 341.
21. Andersen A. *Georgia and the International Treaties of 1918–1921*. Ontario, Canada, Richmond Hill, 2018. 480 p.
22. Baberowski J. *Der Feind ist überall: Stalinismus im Kaukasus*. München, Stuttgart, Deutsche Verlags-Anstalt, 2003. 888 p.
23. Hasanli, Jamil. *The Sovietization of Azerbaijan: The South Caucasus in the Triangle of Russia, Turkey, and Iran, 1920–1922*. Salt Lake City (UT), University of Utah Press, 2018. 484 p.

Information About the Author

Karine R. Ambartsumyan, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Foreign History, Political Science and International Relations, North-Caucasus Federal University, Pushkina St, 1, 355009 Stavropol, Russian Federation, karina-best21@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9397-6197>

Информация об авторе

Каринэ Размиковна Амбарцумян, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений, Северо-Кавказский федеральный университет, ул. Пушкина, 1, 355009 г. Ставрополь, Российская Федерация, karina-best21@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9397-6197>